

О. В. БЕЛЕЦКАЯ (*Одесса*)

ПОДОЛЬЕ И ТАТАРЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.: ЭВОЛЮЦИЯ ДАНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Вопрос о взаимоотношениях между средневековым Подольем и соседними татарскими ордами привлекал многих историков, однако до настоящего времени на эту тему нет специальных обобщающих исследований¹. Данная статья является попыткой синтезировать существующие наработки и наметить направления комплексного подхода к изучению этого сюжета. Хронологические рамки работы — вторая половина XIV — первая половина XV в. Нижняя граница периода обусловлена тем, что как раз в это время начался процесс выделения подольского региона в отдельную политическую единицу, которая хотя и существовала недолго, однако заложила основы идентичности современной исторической области Украины. Первая же половина XV в., отмеченная острой борьбой вокруг Подольской земли, была временем своеобразного зенита политического развития края. В то же время середина XV в. отмечена развертыванием так называемой татарской «реконкисты», противостоять которой надлежащим образом не могли и более значительные политические объединения. В таких условиях Подолье дезинтегрировалось и прочно вошло в орбиту Литвы и Польши.

В качестве отправного пункта во взаимоотношениях между будущими правителями Подолья — литовскими князьями Кориятовичами — и правителями Орды можно взять 1349 г. Именно в этом году великий князь литовский Ольгерд (1345—1377) послал своего брата Михаила-Корията в ставку к хану Джанибеку. Помимо главной цели посольства, которая, видимо, состояла в приобретении для Ольгерда ярлыка на право владения Волынскими и Галицкими землями, оно могло иметь и другие задачи, в частности заключение договоренности с татарами для совместной борьбы против Польши². Косвенные сведения о событиях, происшедших в Орде, дает супрасльский компилятор. Он сообщает, что в это же время в Орду от Великого князя московского Семена Ивановича Гордого (1340—1353) прибыло посольство во главе с князем Федором Глебовичем. Литовское посольство не смогло выполнить свою миссию, поскольку Федор Глебович, захватив ли-

товцев в качестве заложников, с санкции татар увез их в Москву. На следующий год заложники по просьбе Ольгерда были отпущены³. Галицкие же и Волыньские земли, по-видимому, остались за Казимиром, который, как свидетельствуют более поздние источники, стал данником татар⁴.

Информацию о том, что же происходило в это время непосредственно на Подольских землях, можно найти в труде флорентийца Маттео Виллани⁵. Под 1352 и 1354 гг. хронист дает подробное описание того, «как большой король татар выступил на короля Прославию⁶». Оценка совокупности косвенных сообщений, предоставленных Виллани, позволяет утверждать, что в связи с набегами татар обстановка в подольском регионе была напряженной.

Следующим важным событием подольско-татарских отношений стала Синеводская битва между литовцами и ордынцами. Супрасльская летопись сообщает, что после того, как сборные войска великого князя литовского Ольгерда нанесли поражение татарам на р. Синяя Вода (в 1363 г. — *О. Б.*), Подольская земля была предоставлена Ольгердом племянникам — братьям Кориятовичам⁷. «Впоследствии Кориятовичи, — продолжает летописец, — настолько сблизились с правителями татар, что даже перестали им отсылать дань: “вошли оу приязнь со атаманы почали боронити Подольскуоую землю» от Татаръ и босакомъ выхода не почали давати”⁸. Как видим, супрасльский компилятор употребляет для обозначения дани общепринятое для восточнославянских земель русское слово «выход». Достаточно распространенным является и термин «босаки», касающийся сборщиков дани («баскаки» русской летописи). В качестве промежуточного звена между подольским населением и татарскими сборщиками фигурируют «атаманы», представители местного самоуправления⁹. Конечно, весьма заманчиво поверить компилятору и заключить, что во времена первых Кориятовичей татарам не выплачивалась дань. Однако актовые материалы противоречат этому утверждению.

Жалованная грамота князя Александра Кориятовича¹⁰ на землю и мельницу Доминиканскому монастырю в г. Смотрич (1375 г.) позволяет усомниться в адекватности отображения летописцем действительности. В грамоте читаем: «... иже то. што жь. коли. вси земляне. имуть давати. дань. оу татары. то серебро. имеютъ. тако же тии люди. дати.»¹¹. Вопреки заявлению летописца, дань — «серебро», должно быть, платилась уже самым первым из Кориятовичей — Юрием (1363—1370). Действительно, цитируемая грамота Александра лишь подтверждает предыдущее пожалование Юрия, воспроизводя соответствующий текст. Из приведенного фрагмента видно, что дань выплачивалась серебром; плательщиками были местные феодалы, относившиеся к категории «землян»¹², а также определенные группы крестьян — зависимое от монастыря население. Это указание интересно в том от-

ношении, что в XIII в. русские монастырские люди были освобождены от дани татарам¹³.

Возникает вопрос: почему же литовцы, которые победили в битве при Синей Воде, стали выплачивать дань? Очевидно, в Подолье князей Кориятовичей сложилась та же ситуация, что и в галицко-волынских землях. Как известно, за русские земли польские короли выплачивали ханам дань. А поскольку все Кориятовичи, начиная с Юрия, считали себя вассалами польских королей¹⁴, то им, видимо, приходилось признавать верховенство ордынцев.

Впрочем князя Кориятовичи, скорее всего, действительно стремились освободиться от выплаты дани татарам. В 1378 г., как явствует из буллы папы Григория XI (1370—1378), князь Александр собирался в поход против татар. Григорий XI настоятельно рекомендовал подольскому правителю выступить против татар, по крайней мере, в ближайшие три года. За это князю обещалось отпущение грехов¹⁵. Сведения буллы вполне согласуются с сообщением (к сожалению, не датированным) супрасльского компилятора, согласно которому князь погиб в столкновении с татарами («а князя Александра Татарове оубили»¹⁶). В Подолье, как и в Московской Руси, наблюдалось состояние латентной войны с ордынцами. Здесь уместно процитировать исследование Ю. Г. Алексеева относительно татар и Руси: «Несмотря на выплату ордынцам “выхода”... несмотря на признание Русью своей формальной зависимости от хана... у которого русские князья выпрашивали ярлыки на великое княжение и к которому регулярно ездили на поклон с богатыми дарами... прочного мира на южной границе не было никогда»¹⁷.

Даннические отношения с татарами сохранялись и последующими Кориятовичами. В несколько более позднем подольском тексте выплата дани оговаривается вполне отчетливо. Речь идет о грамоте князя Федора Кориятовича, фиксирующей передачу нескольких сел некому Бедришку (1392 г.). В связи с пожалованием грамоты Бедришко должен был платить дань татарам: «А только когда все земляне будут давать дань татарам, тогда серебро имеют давать Бедришковы люди...»¹⁸. Дань была, скорее всего, способом приобретения временных гарантий от набегов татар. В целом же следует отметить, что даннические отношения князей Кориятовичей с Ордой не спасали их от политических катастроф, так что летописная традиция, которая связывала приход Кориятовичей на Подолье с освобождением от татарской дани, отражала лишь народные чаяния, но отнюдь не реальность.

Реальность же была такова. Со второй половины 80-х гг. XIV в. обостряется соперничество между польским королем Владиславом Ягайло и могущественным литовским князем Витовтом. Одним из объектов соперничества становится Подолье. Завоевание Подольской земли было частью широко известных великодержавных планов Витовта. Несмотря на то что 5 ав-

густа 1392 г. в Острове Витовт присягнул на верность польской королеве Ядвиге¹⁹, весной следующего года он совершил поход на Подолье. В это время, как сообщает польский хронист Мартин Кромер, Подолье платило дань татарам: «Tattaros... quibus Podolia tributum pendebat»²⁰.

Витовт не был пассивным зрителем «татарского театра», а сам активно вмешивался в распри ханов. В конце XIV в. (1399 г.) шла ожесточенная борьба за главенство в Орде между чингисидами Темир-Кутлумем и Тохтамышем, которые в действительности были марионетками в руках, с одной стороны, претендовавшего на фактическое главенство в Золотой Орде эмира Едигея, а с другой — Витовта²¹. По словам никоновского компилятора, Витовт, поддерживавший Тохтамышя, потребовал от Темир-Кутлюя «...на всяко лето дани и оброки...»²². И хотя ордынец первоначально уступил Витовту, все же это не предотвратило столкновения. Как известно, литовский князь вместе со своим союзником Тохтамышем потерпел сокрушительное поражение на Ворскле (1399 г.).

Вскоре после этого (в 1400 г.) Подолье было передано брату польского короля Владислава Ягайло — Свидригайло. От его кратковременного правления сохранился весьма ценный в отношении изучения даннических обязательств документ. Он представляет собой жалованную грамоту на с. Зубровка каменецким доминиканцам (от 1401 г.). В ней князь освобождает жителей сел от всех видов повинностей в пользу каменецкого замка, за исключением «подданчизны и дани татарам» («poddancisne et tributum Thartharum») ²³. Отсюда можно сделать вывод, что Свидригайло признал верховенство татар и обязывал жителей села продолжать платить дань татарам.

В 1401 г. Свидригайло вынужден был возвратить край польскому королю. С 1401 по 1411 г. Владислав Ягайло самостоятельно правил Подольем. В его грамотах хотя и нет прямых сведений о выплате дани татарам²⁴, однако присутствует требование выполнения работ и отправления всех повинностей, которые существовали при предыдущих правителях. Так, в жалованной грамоте Владислава Ягайло Петру Качорко на владение с. Устье Каменецкой волости (1403 г.) указывается: «...дани, военные налоги и работы, какими бы они не назывались именами, которые предшественникам нашим князьям Подолья и владельцам его выплачивались, нам через кметов и жителей села выше указанного устья пускай прилежно поступают» («Et daciones, contributiones, laboresque, quibuslibet [vocitentur] nominibus, que antecessoribus nostris ducibus Podolie et possessoribus ipsius solvi fuerant, nobis per kmethones et incolas wille predictae Vsscze efficaciter persolvantur») ²⁵.

В 1411 г. Подольем снова завладел Витовт. Несмотря на страшный разгром 1399 г., он не признал власти Едигея и продолжал независимую политику, пытаясь укрепиться в Причерноморье²⁶. Доступные нам жалованные грамоты Витовта феодалам на Подолье указаний на выплату дани не содер-

жат²⁷. Можно предположить, что литовский князь прекратил эту практику. Витовт продолжал следить за событиями в Орде и вмешиваться в борьбу за престол между различными претендентами. Известно, что он помогал хану Хаджи-Гирею в его борьбе за верховенство в Орде. Из более позднего ярлыка (1506 г.) сына последнего, хана Менгли-Гирея, великому князю литовскому Сигизмунду (1506—1529) явствует, что Хаджи-Гирей в благодарность за поддержку Витовта отказался в его пользу от прав татар на Подольские земли («Подольскую тму со всеми выходы и с даньми и з землями и з водами Каменецкую тму Браславскую тму Сокальскую тму Звенигород Черкассы Хаджибеев Маяк»²⁸).

После смерти Витовта (1430 г.) Подолье снова прибрал к рукам польский король. Он, очевидно, восстановил выплату дани татарам с Подольской земли. В жалованных грамотах Владислава Ягайло обнаруживаем стандартные обороты относительно неукоснительного выполнения всех прежних обязательств и платежей²⁹. Следует, однако, принять во внимание, что Владислав Ягайло вынужден был вступить в борьбу за Подолье с князем Свидригайло, который считал себя полноправным преемником Витовта. С 1431 по 1435 г. в регионе велась война, при этом татары были неизменными союзниками литовского князя³⁰. Известно, что и наиболее могущественный из местных князей, Федор Несвизкий, принимавший активное участие в распрях и попеременно примыкавший то к одной, то к другой стороне, пользовался помощью татар. В такой обстановке дань татарам могла не выплачиваться или выплачивалась нерегулярно.

Незадолго до смерти Владислава Ягайло (1434) Подолье было разделено на две части. Граница проходила по р. Мурафе. Западные земли отошли к Польскому королевству (Подольское воеводство), тогда как восточные остались в составе Великого княжества Литовского (включившись в Волынь). Из хроники Мартина Бельского явствует, что с 1438 г. татары превратились во врагов Свидригайло. Они напали на восточное Подолье и грабили местное население³¹. Возможно, что одной из причин татарских набегов была невыплата дани.

Итак, Подолье как новая историческая область в Днестровско-Днепровском междуречье начало формироваться в условиях исчезновения центральной власти и разложения могущественной Орды. Однако, не упев приобрести статус отдельной политической единицы, это образование попало в зависимость от более сильных соседей. Соперничество между поляками, литовцами и татарами обусловило особенности политического развития края. Не утратившие своего военного потенциала татары сумели навязать первым властителям Подолья, Кориятовичам, даннические отношения. Эти отношения были прекращены в период правления в Подолье великого князя литовского Витовта (с 1411 по 1430 г.). Последующее расчленение края,

по-видимому, позволило татарам возобновить взимание дани, по крайней мере, в польской части Подолья. Что же касается литовской части края, то доступные источники не дают сведений относительно ее выплаты.

В польской части Подолья начала вводиться система управления по польскому образцу, что вело к постепенному закрепощению крестьянских масс. Происходила реорганизация помещичьих хозяйств, превращавшихся в вотчины с постоянным присутствием представителей господской администрации или владельцев. В литовской же части, по-видимому, действовала татарская система управления, которая использовала выборное руководство в лице атаманов, сохранявшихся в общинах. Со временем эта низовая местная администрация, должно быть, взяла на себя функции организации противостояния татарам. Впоследствии мы встречаем слово «атаман», которое прилагается к выборным руководителям казацких общин. Таким образом, в XIV—XV вв. в рамках татарской административной системы формировались основы устройства будущей казацкой державы. В этом и будет состоять специфическая черта эволюции региона рассмотренного периода.

Имелись у него особенности и в экономическом отношении. Изученный нами этап характеризуется откровенной коммутацией дани, т. е. преобразованием натуральных платежей в денежную форму. Из специальной литературы известно, что в предыдущий период (в XIII в.) татары брали дань с населения по преимуществу натурой — хлебом и людьми³². Наши же источники вполне отчетливо обнаруживают денежное содержание дани.

Какими же денежными единицами могла наполняться «дань» или «выход» в Подолье? Из вышеизложенного логично заключить, что дань выплачивалась серебряной монетой. Как показывают находки кладов, в XIV в. на Подолье были широко распространены серебряные золотоордынские или джучидские монеты³³. Поскольку в крае не было залежей серебряной руды, то возможно, что во времена Кориятовичей дань платилась татарскими деньгами — дирхемами.

Витовт, как было сказано выше, дани татарам не давал. Однако к периоду его правления относят весьма любопытные нумизматические артефакты. Специалисты констатируют хождение в украинских землях, в том числе и на Подолье, золотоордынских монет с литовской контрмаркой гербом «Колюмны» (стилизованным трезубцем, бывшим знаком киевских князей). Монет этих на Подолье найдено немного, место чеканки и точная дата не установлены, хотя большинство специалистов склонны относить их к первой трети XV в.³⁴

Никоновский компилятор, сообщая о соперничестве Витовта с эмиром Едигеем и вмешательстве первого в борьбу за престолонаследие между чингсидами, предоставляет сведения, которые проливают определенный свет на Витовтову монетную политику. По словам летописца, великий

князь литовский навязывал свои требования Темир-Кутлугу: «еще к тому возхоте... во всей Орде быти на денгах Ордынских знамение Витовтово»³⁵. Хотя традиционно украинская историография занимает скептическую позицию по поводу чрезмерно литературного изложения никоновским компилятором этих событий³⁶, оно вполне подтверждается нумизматическим материалом. В литературе существует мнение, что маркировка является свидетельством признания верховенства. Однако, по-видимому, Витовт, в силу нехватки средств обращения, делал контрмарку на татарских деньгах для нужд собственных земель.

О денежном дефиците в Великом княжестве Литовском можно судить по хорошо известному описанию фламандского рыцаря Гильберта де Ланнуа. Перечисляя подарки, которыми щедро одарили его Витовт с супругой в 1421 г., де Ланнуа упомянул среди прочего золотые дукаты (вероятно, венгерские) и золотую татарскую монету для ношения на шею³⁷. Что же касается маркировки Витовтом татарских денег, то следует обозначить отличие его монет, например, от денег киевского князя Владимира Ольгердовича (1363—1394) или великого князя московского Дмитрия Донского (1359—1389), на которых стояла татарская контрмарка. Наличие витовтового «знамения» на татарских деньгах может свидетельствовать в пользу того факта, что Витовт не был данником татар.

В правление Витовта в источниках фиксируется еще одна денежная единица — «подольские полугрошки»³⁸. По их поводу в нумизматической литературе существует немало интересных контроверз. Позволим себе упомянуть лишь о новейшем исследовании О. Г. Погорельца и Р. В. Саввова³⁹. Найденная ими в 2003 г. серебряная монета является, по их мнению, не чем иным, как «подольским полугрошом», отчеканенным в Смотриче князем Константином Корятовичем (1385—1388). Чтобы подкрепить свою гипотезу, авторы исследования проводят сопоставление собственной версии ее легенды с собственными же версиями легенд еще двух монет сложной атрибуции. Однако предложенные ими интерпретации легенд достаточно проблематичны⁴⁰. Хотя все три монеты действительно очень сходны, это сходство не достигает полной идентичности (отличаются штемпели). Авторы признают, что монеты напоминают молдавские гроши периода правления Петра I Мушата (ок. 1375 — ок. 1391), однако не считают возможным отнести их к деньгам молдавской чеканки. Одним из главных аргументов в пользу такой позиции является отсутствие, как им кажется, среди правителей Молдовы лиц с именем Константин. Тем не менее в исторической литературе существует устойчивое представление о том, что с 1386 по 1392 г. в юго-восточных землях Молдовы правил воевода Константин⁴¹.

Как же связать правителя юго-восточной Молдовы и слово «SMOTRIC», отчетливо читаемое на монете-находке 2003 г.? Весьма веро-

ятно, что она происходит из молдавских земель, скорее всего из Белгорода-Днестровского, в котором правил воевода Константин. Не исключено, что им был Константин Кориятович, который, по-видимому, мог последовать примеру своего брата Юрия, приглашенного в качестве правителя в Молдову на рубеже 1374—1375 гг. Известно, что еще один из Кориятовичей, Александр, утратив Владимир на Волыни в 1370 г., продолжал именоваться Владимирским господарем⁴². Равным образом Константин, удалившись из Подолии в юго-восточные пределы Молдавского государства, мог сохранять за собой титул Смотрицкого господаря. Но как бы ни интерпретировать означенный нумизматический материал, единственная монета, обнаруженная О. Г. Погорельцем и Р. В. Саввовым, нуждается в более тщательной экспертизе. Поэтому вопрос о подольских полугрошках остается, на наш взгляд, открытым.

Наряду с золотоордынскими монетами и «подольскими полугрошками» на Подолье ходили также серебряные пражские гроши⁴³. Эта высокопробная монета широко использовалась в качестве платежного средства в Восточной Европе. Недавние разыскания кубанских нумизматов обозначают крайние юго-восточные пределы распространения гроша (территория горной Ингушетии)⁴⁴. Помимо этой монеты в регионе ходили серебряные польские и русские гроши⁴⁵ и «жженое» серебро (т. е. полученное путем выплавки из руды)⁴⁶. Все это могло использоваться в Подолье для выплаты дани.

Итак, охарактеризовав в общих чертах качественное наполнение дани, можно теперь затронуть вопрос о количественном ее наполнении. К сожалению, документов, которые несут информацию о размере дани относительно XIV—XV вв., нам неизвестно. Однако имеются косвенные сведения, содержащиеся в более позднем тексте (1500 г.). В тайном предписании великого князя литовского Александра (1492—1506) киевскому воеводе князю Дмитрию Путятичу содержится указание на то, что в случае помощи крымского хана Менгли-Гирея в борьбе против «господаря московского» Александр продолжит выплату татарину дани: «...с своих людей и с князьских и с паньских и с боярских, в земли Киевской и в Волынской и в Подольской, с каждого человека головы ... по три деньги дати каждый год...»⁴⁷. Таким образом, в XVI в. дань составляла три деньги с человека. Можно предположить, что это была традиционная сумма, которую начали выплачивать еще князья Кориятовичи.

В конце XIV в. в литовских землях для обозначения одного из поборов употребляется слово «сребщизна». Самое раннее упоминание о ней, насколько нам известно, относится к 1387 г. Речь идет о пожаловании виленским духовным феодалам полного иммунитета. Их освобождали от разнообразных поборов и повинностей, в том числе и от: «...contributionibus,

ulgo srzebrzyzna»⁴⁸. Термин «сребщизна» весьма часто фигурирует в более поздних документах. Приведем, в частности, одну из жалованных грамот польского короля Казимира Ягайловича литовскому, русскому и жмудскому духовенству, дворянству, рыцарям, шляхте, боярам и горожанам (1457 г.). Грамота представляет собой билингву. В ней декларируется освобождение указанных слоев населения от уплаты «сребщизны» и иных повинностей. Соответствующему фрагменту русской версии «заплаты, собранья, вытягнениа сребщизны» эквивалентен латинский оборот «...solutione collectae siue exactiones sierepczyzne dictae»⁴⁹.

Мысль о том, что сребщизна «едва ли... не произошла от татарского *серебра*, которое взималось с русских областей в XIV веке», высказал еще в XIX в. М. Любавский⁵⁰. Хотя в изученных нами частнопроводных подольских актах XIV—XV вв. слово «*srzebrzyzna*» не встречается, в них, однако, наличествует термин «*contributiones*», который в приведенном выше фрагменте является его синонимом. Видимо, речь идет о генетически связанных явлениях. К тому же латинское название сребщизны — «*contributiones*» — указывает на военное назначение этой подати. Вполне возможно, что под словом «*contributiones*» и подразумевалась дань татарам. Разумно согласиться с предположением М. Любавского о том, что система феодальных платежей на Подолье формировалась во времена татарского владычества. Обнаружив в завоеванных русских землях эту систему платежей, Великое княжество Литовское восприняло ее и использовало в своих целях, в частности для борьбы с татарами⁵¹. Таким образом, названия некоторых поборов происходят из татарской «налоговой системы». Одним из примеров такой преемственности на Подолье следует считать термин «сребщизна», связанный с «серебром», которое фигурирует в документах князей Кориятовичей.

Итак, материальным выражением господства татар на Подолье была система поборов. Начиная с XIV в. в связи с развитием товарно-денежных отношений дань выплачивается деньгами. В то же время татары были толерантны в религиозном отношении и в отношении местных учреждений. В условиях децентрализации древнерусского государства, должно быть, возродились традиции общинного самоуправления. Представителей этих органов татары обозначили словом «атаман». С моральной точки зрения это создавало у местного населения видимость известной самостоятельности, а татарам обеспечивало относительно упорядоченное получение доходов. Сходную эволюцию налоговой терминологии, должно быть, прodelьвала терминология и в сопредельных с Подольем областях. Поэтому было бы интересно установить, как складывались даннические взаимоотношения с татарами в соседних с Подольем регионах. Сравнительно-исторические исследования с привлечением материалов, исходящих из земель, граничащих

с Подольем и находившихся в орбите татарской «налоговой системы», могли бы дать плодотворные результаты.

¹ Литературу о подольско-татарских отношениях см. в примечаниях к третьей главе книги О. Белецкой. *Білецька О. Б. Поділля на зламі XIV—XV ст.: до витоків формування історичної області*. Одеса, 2004. С. 166—189.

² Как известно, в 1349 г. земли эти были отобраны у Любарта и Кейстута Ольгердовичей польским королем Казимиром Великим (1333—1370). Подробнее об этом см.: *Білецька О. В. Політика польського короля Казимира Великого (1333—1370) щодо подільських земель // Древнее Причерноморье: Материалы междунар. конф. V чтения памяти профессора П. О. Карышковского*. Одесса, 12—14 марта 2001 г. Одесса, 2003. С. 20—30; *Білецька О. Б. Поділля ...* С. 102—110.

³ *Супрасльская летопись // Полное собрание русских летописей*. М., 1980. Т. 35. С. 48. Из повествования летописи можно заключить, что послы Ольгерда — Семен Свислоцкий и Якша были детьми Михаила-Корията. Более подробно генеалогический аспект см.: *Мицько І. Cherchez la femme або генеалогічний аспект історії Подільської держави // Семінарії «Княжі часи»*. Львів, 2002. С. 24.

⁴ Выплата дани татарам во второй половине XIV в. за часть современных украинских земель осуществлялась, по-видимому, польским королем. После того как в 1349 г. Галицкая и Волынская земли были завоеваны Казимиром Великим (1333—1370), он стал отправлять за них хану ежегодную дань. Это видно из буллы Папы Римского Иннокентия VI (1352—1362) Казимиру от 24 января 1357 г. — *Monumenta historica Poloniae et Lithuaniae / Ed. A. Theiner*. Т. 1. Romae, 1860. № 776. Р. 581.

⁵ *Villano M. Istorie de cittadino Fiorentino // Collezione di storici e cronisti italiani edita ed inedita*. Т. 5. Firenze, 1846. Р. 197.

⁶ О том, что под Прославией следует понимать земли будущей Браславщины, см.: *Дашкевич Я. Р. Угорська експансія на золотоординське Поділля 40—50-х рр. XIV ст. // Україна в минулому*. Вип. 5. Київ; Львів, 1994. С. 32—62.

⁷ *Супрасльская летопись ...* С. 66.

⁸ *Летопись великих князей литовских / Изд. А. Н. Попов*. СПб., 1854. С. 18.

⁹ В отношении института атаманов автор разделяет мнение М. Грушевского. Термин, по его наблюдениям, встречается в подольских текстах до XVIII в. включительно. См.: *Грушевский М. С. Барське староство*. Львів, 1996. С. 300—304.

¹⁰ Князь Александр Кориятович до и после самостоятельного правления был сопративителем своих братьев, соответственно Юрия и Бориса. См.: *Білецька О. Б. Поділля на зламі XIV—XV ст. ...* С. 110—123.

¹¹ *Українські грамоти XIV ст.* Київ, 1974. № 24. С. 50—53.

¹² Источники, отражающие социальные реалии подольских и галицких земель, дают основания выделить «землян» в особую категорию. На это в свое время обратил внимание М. С. Грушевский. См.: *Грушевський М. С. Історія України-Руси*. Київ, 1994. Т. 5. С. 59.

¹³ Там же. Т. 3. С. 85.

¹⁴ *Білецька О. Б. Поділля ...* С. 110—123.

¹⁵ *Monumenta historica Poloniae et Lithuaniae / Ed. A. Theiner*. Т. 1. Romae, 1860. № 1015. Р. 748.

¹⁶ *Супрасльская летопись ...* С. 66.

¹⁷ *Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси*. Новосибирск, 1991. С. 26.

¹⁸ «...tylko kiedy wszyscy ziemianie beda dawac dan w Tatory, tedy srebro maja dawac Bedryszkow ludzi». — *Jablonowski A.* Starostwa Ukrainne w pierwszej polowie XVII wieku // *Zrodla dziejowe Polska XVI wieku.* Т. 5. Warszawa, 1877. S. 21—22.

¹⁹ Отметим, что Витовт уже в это время именовал себя великим князем литовским («Alexander alias Witowdus dei gracia magnus dux Lytwanie»). См. *Monumenta mediæ aevi historica res gestas Poloniae illustrantia.* Cracovia, 1882. Т. 6. № 2 (appendix). P. 959—960.

²⁰ *Cromerus M.* De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Basiliae, 1568. P. 248.

²¹ *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 380—399.

²² Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 11. С. 172.

²³ *Grabowski M., Przedziecki A.* Zrodla do dziejow Polski. Wilno, 1843. Т. 1. S. 155—156 (с ошибочной датировкой 1405 г.).

²⁴ О том, что дань выплачивалась Владиславом Ягайло, видно из более ранних документов (от 1392 г.). См.: *Оболенский М. А.* Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу. Казань, 1850. С. 16—26; *Русский филологический вестник. Учено-педагогический журнал*, изд. под ред. Е. Ф. Карского. М., 1916. № 1—2 (Т. LXXV). С. 169—171; *Розов В.* Українські грамоти. Т. 1. XIV — перша половина XV ст. // *Збірник історично-філологічного відділу УАН.* 1928. № 63. № 3. С. 47—49; *История Татарии в документах и материалах.* М., 1987. С. 72; Оригинал грамоты имеет водяной знак, представляющий бычью голову, между рогами которой — звезда. Кстаті говоря, на монетах Белгорода-Днестровского XV ст. местной чеканки на реверсе монет изображена также голова быка со звездочкой между рогами. Этот символ весьма напоминает знак Тохтамышевой грамоты Ягайлу 1392. Но трудно судить о возможных заимствованиях.

²⁵ *Zbiór dokumentów malopolskich / Wyd. I. Sulkowska-Kuras i S. Kuras.* Wrocław, 1974. Cz. 6. № 1661. S. 210—211; Подобные предписания имеются и в других жалованных грамотах Владислава Ягайло. Например дворянину Тимку из Коморника на владение с. Сокол Каменецкой волости (1406 г.), а также Якушу и его пасынку Клеменсу на владение с. Маниковцы и с. Миньковцы Каменецкой волости (1407 г.). Vide: *Ibidem.* № 1694. S. 254—256; *Ibidem.* № 1706. S. 272—273; См. также: *Михайловський В.* Роздача земельної власності на Західному Поділлі за Владислава II Ягайла (1402—1413, 1431—1434) // *Вісник Львівського університету. Серія історія.* 2003. Вип. 38. С. 596—629.

²⁶ Витовт несколько раз совершал черноморские походы (1397, 1398 гг.), строил литовские замки на р. Днестре и Днепре, селил татар в Литовских землях. См. *Барбашев А.* Очерк литовско-русской истории: Витовт — последние двадцать лет княжения (1410—1430). СПб., 1891; *Sochaniewicz K.* Najdawniejsze dyplomy Witolda w. ks. litewskiego (Przyczynek do dyplomatyki litewskiej) // *Ateneum Wilenskie.* 1925—1926. R. 3. S. 385—386; *Zdan M.* Stosunki litewsko-tatarskie za czasow Witolda, w. ks. Litwy // *Ateneum Wilenskie.* 1930. R. 7. Z. 3—4. S. 529—602.

²⁷ Нам известно девять жалованных грамот князя Витовта на земли в Подолии. См. *Білецька О. В.* Поділля ... С. 275—276.

²⁸ Ярлык хана Менгли-Гирея литовскому князю Сигизмунду от 1506 г. См.: Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848. Т. 2. № 6. С. 4—5.

²⁹ В жалованной грамоте Владислава Ягайло Домарату из Шлядкова на владение с. Шаравка Смотрицкой волости (1431 г.) читаем: «...datiae, contributiones ducibus Podoliae, praedecessoribus nostris solvi solitae nobis et nostris successoribus per cmetones... persolvantur» («...дани, военные налоги, которые князьям Подолии, нашим предшественникам, выплачивались, пусть нам и нашим преемникам кметами... выплачиваются»).

Zbiór... № 2077. S. 328—329; См. также его пожалование землянину Пехну Адамковичу с. Вишневец Смотрицкой волости (1431 г.). Ibidem. № 2061. S. 308.

³⁰ Коцебу А. Свидригайло, великий князь литовский. СПб., 1835.

³¹ Bielski M. Kronika Polska // Zbiór pisarzów polskich. Warszawa, 1830. T. 14. Cz. 5. S. 178.

³² См.: Грушевський М. С. Історія України-Руси. К., 1993. Т. 3. С. 158, 163—164, 182; Ждан М. Б. Україна під пануванням Золотої Орди // Український історик. Нью-Йорк; Мюнхен, 1970. № 1—3 (25—27). Рік VII. С. 82—94; Ждан М. Б. Україна під пануванням Золотої Орди (продовження) // Український історик. Нью-Йорк; Мюнхен, 1970. № 4 (28). Рік VII. С. 61—66.

³³ Подробнее об этом см.: Kotlar M. Znaleziska monet z XIV—XVII w. na obszarze Ukrainie SSR. Wrocław; Warszawa; Krakow; Gdansk; Lodz: Wyd-wo PAN, 1975. S. 28—30, 31, 36, 47, 50.

³⁴ Относительно находок монет с литовской контрамаркой *vide ibidem*. Что же касается места их чеканки, то нумизмат Г. Козубовский предположил, что эти монеты происходят из Восточного Подолья и Надднепровщины. Козубовський Г. А. Монетне карбування в Україні у XIV—XV ст. // Вісник Національного банку України. 1996. № 1. С. 82.

³⁵ Никоновская летопись ... Т. 11. С. 172.

³⁶ См.: Грушевський М. С. Історія України. Т. 4. С. 84.

³⁷ Лануа Г. де. Описание путешествия // Брун Ф.К. Путешествие Гильберта де Лануа по Южной России в 1421 г. Одесса, 1852. С. 4—5.

³⁸ Semkowicz W. Nieznane nadania Witolda dla osob prywatnych // Ateneum Wilenskie. 1930. S.855—856; Розов В. Українські грамоти. Т. 1. XIV — перша половина XV ст. // Збірник історично-філологічного відділу УАН. 1928. № 63. № 3. Київ, 1928. № 61. С. 112.

³⁹ Погорілець О. Г., Савов Р. В. Карбування монети на Поділлі в другій половині XIV ст. / Рукопись доклада на Міжнародній науковій конференції. Грошовий обіг та банківська справа в Україні: минуле та сучасність. Львів, 14—15 травні, 2004 р. С. 1—10.

⁴⁰ Малоубедительной, в частности, представляется их интерпретация двух вертикальных штрихов на монете-находке, истолкованных как фрагменты латинской «Н». Обратим внимание авторов, что расшифровка «Н» как «Heres» не корректна; следовало бы прочитать как «Heredis».

⁴¹ См.: Параска П. Ф. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев, 1981. С. 109.

⁴² См. жалованную грамотку Александра Корятовича краковским купцам на право торговли с Подольем (1375 г.) // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia / Ed. Dr. F. Piescosinski. T. 5. Cz. 1. № 47. S. 57; Известны и другие примеры подобного рода. Так, Федор и Василий Корятовичи, бежавшие в Закарпатье в 1392 г., продолжали именовать себя господарями Мункачева и подольскими князьями. См. Гаджега В. Князь Федор Корятович и Мараморош // Подкарпатська Русь (Ужгород). 1930. № 3. С. 41.

⁴³ См.: Федоров-Давыдов Г. А. Торговля нижеволжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1998. С. 44; Пражский грош упоминается в одном из древнейших актов — о пожаловании права на самоуправление Каменцу князей Юрия и Александра Корятовичей от 1374 г. *Przedzieceki A.* Podole, Volyn, Ukraina: obrazy miejsc i czasow. Wilno, 1841. T. 1. S. 140—144.

⁴⁴ Нарожный Е. И., Народная Ф. Б. Пражский грош из горной Ингушетии // Проблемы всеобщей истории. Вып. 6 / Посв. 85-летию В. Т. Миротенко. Армавир, 2000. С. 126.

⁴⁵ *Котляр М. Ф.* Нариси історії обігу й лічби монет на Україні XIV—XVIII ст. Київ, 1981. С. 19.

⁴⁶ Из документа 1460 г. видно, что в соседней Молдове «жженое» или плавеное серебро было желанным товаром. См.: *Огуй О. Д.* Монетно-лічильні найменування на Буковині та в Молдові (кінець XIV — перша третина XIX ст.): проблема функціональних полімінацій в адаптивних терміносистемах. Чернівці, 1997. С. 25.

⁴⁷ Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846. Т. 1. С. 210.

⁴⁸ Цит. по: *Паушто В. Т.* Образование Литовско-русского государства. М., 1959. С. 315.

⁴⁹ Законодательные акты Великого княжества Литовского. XV—XVI вв. / Сост. Н. И. Яковкин. Л., 1936. С. 8.

⁵⁰ *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания Первого Литовского статута. М., 1892. С. 483.

⁵¹ Там же.